

УДК 316.64

ВЕРА В СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР, ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ УСТАНОВКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИРИИ)

© 2018 г. А. Н. Неврюев^{1, 2*}, О. А. Гулевич^{3**}, Е. А. Некрасова^{4***}

¹⁾ ФГБОУ ВО “Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации”; 125993, Москва, Ленинградский просп., 49, Россия.

²⁾ ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России; 119991, Москва, ул. Трубецкая, д.8, стр. 2, Россия.

³⁾ ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

⁴⁾ ФГКВОУ ВПО “Военный университет”; 123001, Москва, ул. Большая Садовая, 14, Россия.

*Старший преподаватель кафедры “Управление персоналом и психология” Финансового университета; Ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии института социологии, психологии и гуманитарных наук Сеченовского университета. E-mail: annnevruyev@fa.ru

**Доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук;

Ведущий научный сотрудник лаборатории экспериментальной и поведенческой экономики.

***Преподаватель кафедры психологии.

Поступила 29.09.2016

Аннотация. Исследуются психологические факторы, которые предсказывают отношение к различным формам участия России в гражданской войне в Сирии. Жители России ($N = 595$) заполняли опросники для измерения веры в справедливый мир, национализма, патриотизма, общей социальной установки по отношению к войне и отношения к различным способам участия России в Сирийском конфликте. Результаты исследования показали, что вера в справедливый мир предсказывала различные формы гражданской идентичности — патриотизм и национализм. Патриотизм, но не национализм негативно связан с общей социальной установкой к войне. Социальная установка к войне, в свою очередь, позитивно связана с отношением к военному вмешательству России в гражданскую войну в Сирии, но негативно связана с мирным участием страны в этом конфликте. В статье приводятся новые данные о связи гражданской идентичности и социальной установки к войне. Намечены основные перспективы развития данного направления исследований.

Ключевые слова: социальная установка к войне, вера в справедливый мир, гражданская идентичность, патриотизм, национализм.

DOI: 10.31857/S02059592000066-8

На протяжении последних десятилетий был проведен ряд исследований, посвященных социальным установкам к способам разрешения военных конфликтов. Однако они обладают некоторыми ограничениями. Во-первых, в большинстве исследований рассматривается один способ разрешения международных конфликтов — прямое военное вмешательство в дела другой страны. Во-вторых, исследователи уделяют большее внимание отношению к отдельным военным кампаниям, чем к социальной установке

по отношению к войне вообще. За последнее десятилетие наиболее популярными среди исследователей были войны в Персидском заливе [17; 19; 25], Ираке [11–13] и Югославии [10]. И, наконец, в-третьих, для объяснения социальных установок по отношению к войне чаще всего используются теории авторитарной личности и социального доминирования. Эти ограничения были преодолены в данном исследовании.

Теоретической основой исследования стала теория социальной идентичности. Целью иссле-

дования стал анализ связи между верой в справедливый мир, гражданской (национальной) идентичностью¹, общими социальными установками по отношению к войне и отношением к различным вариантам участия России в международном конфликте. В ходе исследования мы рассмотрели отношение к участию в конфликте, происходящему на территории Сирии. В момент исследования сирийский конфликт активно обсуждался в российских СМИ и, как следствие, был известен потенциальным участникам исследования.

Общие социальные установки по отношению к войне и отношение к участию в международных конфликтах. Под общими социальными установками по отношению к войне понимается отношение человека к военным действиям как к способу разрешения международных конфликтов [7; 26; 27; 34]. Исследователи, изучающие такие установки, имплицитно полагают, что позитивное или негативное отношение к войне как к способу разрешения международных конфликтов предсказывает отношение к отдельным войнам и соответствующее поведение. В частности, некоторые исследования показали, что восприятие войны как эффективного и морально оправданного способа разрешения конфликтов улучшает отношение человека к военным кампаниям с участием своей страны [26] и повышает готовность принять личное участие в подобных кампаниях [7]. На основании этих исследований мы предположили, что чем более позитивны социальные установки по отношению к войне как к способу разрешения международных конфликтов, тем более позитивно отношение к военному участию России в сирийском конфликте (гипотеза 1а).

В то же время возникает вопрос: каким образом общие социальные установки по отношению к войне связаны с отношением к другим – мирным способам разрешения международных конфликтов: гуманитарному, дипломатическому, экономическому и техническому вмешательству? Ответ на этот вопрос могут дать исследования, авторы которых одновременно измеряли социальные установки людей по отношению к войне и миру. Некоторые исследования показали, что социальные установки по отношению к войне противоположны установкам к миру: чем более позитивно люди относятся к миру в международных отношениях, тем более негативно они относятся к войне (см. обзор в [7]). На основании этих результатов мы предположили, что чем более позитивны социальные установки по от-

ношению к войне как к способу разрешения международных конфликтов, тем более негативно отношение к мирному участию России в сирийском конфликте (гипотеза 1б).

В качестве психологической переменной, предсказывающей общие социальные установки людей по отношению к войне, нами исследовалась гражданская идентичность.

Гражданская идентичность и общие социальные установки к войне. Социальная идентичность – это часть Я-концепции, связанная с осознанием человеком своей принадлежности к социальной группе [33]. В соответствии с теорией социальной идентичности, каждый человек обладает несколькими социальными идентичностями. В контексте международных отношений наибольшее значение приобретают гражданская идентичность (в англоязычной литературе – “национальная идентичность”), связанная с восприятием себя как гражданина (или жителя) определенной страны.

Согласно представлению, предложенному К. Личем и коллегами [29], идентификация с любой социальной группой состоит из двух компонентов: самоопределения и личного вклада. При изучении гражданской идентичности исследователи уделяют особое внимание второму компоненту: рассматривают ощущение связи с другими членами группы, позитивное отношение к этой группе и важность этой групповой принадлежности для Я-концепции в целом.

Психологические исследования показали, что гражданская идентичность оказывает влияние на социальные установки к жителям других стран и мигрантам. Однако это влияние во многом зависит от формы, которую принимает отношение к своей стране. В частности, некоторые исследователи проводят различие между двумя формами гражданской идентичности – патриотизмом и национализмом [12; 13]. Патриотизм определяется как позитивное отношение к своей стране, без ее сравнения с другими странами. В то же время национализм – это позитивное отношение к своей стране, основанное на ее сравнении с другими странами; вера в то, что своя страна превосходит другие страны и, как следствие, имеет право на доминирование [1; 28].

Психологические исследования показали, что патриотизм и национализм оказывают разное влияние на отношение к этническим аутгруппам и другим странам [21]. Так, патриотизм уменьшает дегуманизацию аутгруппы [35], усиливает ощущение ответственности [6] и групповой вины за негативные действия ингруппы [32], улучшает отношение к этническим меньшинствам [9; 2] и готовность помогать им [6]. В то

¹ В этом исследовании рассматривается идентичность, связанная с восприятием себя как жителя (гражданина) определенной страны. В англоязычной литературе она обозначается термином “национальная идентичность” (*national identity*). В русскоязычной литературе она известна как “гражданская идентичность”.

же время национализм увеличивает дегуманизацию аутгруппы [35], ослабляет ощущение ответственности [6] и групповой вины [32], ухудшает отношение к меньшинствам [9] и готовность помогать их представителям [6]. Таким образом, патриотизм обычно связан с позитивным, а национализм — с негативным отношением к иностранцам в своей стране и к другим государствам.

Пытаясь объяснить подобные различия, исследователи предположили, что патриотизм и национализм связаны с разными “схемами конфликта”. Схема конфликта — это совокупность идей относительно того, какое взаимодействие является конфликтным и каковы пути разрешения конфликтов [5; 23]. Люди с высоким уровнем национализма обладают так называемой враждебной схемой конфликта. Эта схема включает в себя негативное отношение к другим странам и одобрение насилиственных методов разрешения международных конфликтов. В то же время патриотизм может быть связан как с враждебной, так и с мирной схемой конфликта, одобряющей международную кооперацию [21]. Как следствие, мы предположили, что национализм и патриотизм предсказывают общие социальные установки по отношению к войне в разных направлениях. Чем выше национализм, тем более позитивны эти установки (гипотеза 2а); чем выше патриотизм, тем более негативны эти установки (гипотеза 2б).

Вера в справедливый мир и гражданская идентичность. Психологические исследования показали, что идентификация человека с социальной группой зависит от отношения одногруппников. Большую ингрупповую идентификацию демонстрируют люди, которым кажется, что другие члены группы относятся к ним справедливо, поддерживают их, ценят их мнение [8; 18; 20]. Как следствие, ингрупповую идентификацию изменяют любые факторы, которые влияют на восприятие человеком отношения к себе со стороны одногруппников. Можно предположить, что таким фактором является вера в справедливый мир.

Вера в справедливый мир определяется как уверенность человека в логичности и предсказуемости мира, в котором каждый человек получает то, что заслуживает [30]. Как следствие люди, совершающие хорошие поступки, получают вознаграждение, а плохие подвергаются наказанию. Человек, который верит в справедливость мира, уверен, что способен оказать влияние на свою жизнь и предсказать последствия своих действий. Проведенные исследования показали, что вера в справедливый мир оказывает влияние на отношение к окружающим: чем выше вера в справедливый мир, тем более позитивно человек относится к другим людям. В частности, чем

больше люди верят в справедливый мир, тем менее они подозрительны [16; 36]; больше доверяют своим супругам [31]; больше верят в альтруизм благотворителей [22]; больше доверяют социальным институтам и представителям политической власти [36]. Как следствие, мы предположили, что вера в справедливый мир предсказывает гражданскую идентичность: чем выше вера в справедливый мир, тем выше патриотизм (гипотеза 3а) и национализм (гипотеза 3б).

МЕТОДИКА

Участники исследования. 595 человек, граждане России (по самоотчету), 340 мужчин, 18–69 лет ($M = 29.7$; $SD = 10.5$; $Me = 26$). Данные собирались с помощью электронного опросника на платформе “Google. Документы” в декабре 2015 года. Участники рекрутировались из социальной сети “Вконтакте”. При обработке данных не до конца заполненные опросники были удалены.

Методики

Вера в справедливый мир была измерена с помощью опросника, созданного К. Далберт и адаптированного на русский язык С.К. Нартовой-Бочавер и коллегами [4]. Эта шкала состоит из двух субшкал: веры в справедливость мира вообще и веры в справедливость мира по отношению к себе. В данном исследовании была использована субшкала общей веры в справедливый мир. Она состоит из шести прямых утверждений, например, “Я верю, что в целом мир справедлив”, оценивающихся по шестибалльной шкале согласия.

Для измерения патриотизма было использовано четыре утверждения, отражающих различные параметры гордости за Россию: “Я горжусь военными победами России”, “Я горжусь спортивными достижениями России”, “Я горжусь научными и техническими открытиями России”, “Я горжусь произведениями литературы и искусства России”. Респонденты оценивали степень согласия по пятибалльной шкале. Эти утверждения были заимствованы из Международного социального опроса (ISSP), они отражают так называемый культурный патриотизм. По данным опроса Левада-центра, достижения в этих сферах вызывают у российских граждан наибольшую гордость². Для измерения национализма было использовано три утверждения: “Для меня лучше быть гражданином России, чем любой другой страны мира”, “Мир был бы намного лучше, если бы люди в других странах были больше похожи на россиян”, “Говоря в целом, Россия лучше, чем большинство других стран”.

² <http://www.levada.ru/2015/12/07/gordost-patriotizm-i-otvetstvennost/> (дата обращения 07.01.2018).

Респонденты оценивали степень согласия по пятибалльной шкале. Утверждения были заимствованы из Международного социального опроса (ISSP).

Общие социальные установки к войне. Для измерения социальных установок по отношению к войне как к способу разрешения международных конфликтов был использован опросник, созданный О. Гулевич и А. Неврюевым. Он включает в себя 16 утверждений, касающихся эффективности, моральной оправданности, а также экономических, социальных и гуманитарных последствий войны. Респонденты должны оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале (Приложение). Использование опросника на большой выборке жителей России ($N = 4336$) продемонстрировало его структурную валидность ($\chi^2 = 2314.371$, $df = 98$, $p < 0.01$, $CFI = .905$, $RMSEA = .072$, $AIC = 249839.549$, $BIC = 250183.784$) [3].

Отношение к формам участия России в сирийском конфликте. Для измерения отношения к участию России в сирийском конфликте было использовано пять параметров. Респонденты должны были оценить, в какой степени Россия должна оказывать руководству Сирии (а) гуманитарную, (б) политическую и дипломатиче-

скую, (в) экономическую, (г) военно-техническую (консультации и вооружение) и (д) прямую военную (введение войск) помощь. Эти параметры были заимствованы из опроса, проведенного “Левада-центром”³. При оценке была использована 5-балльная шкала: от 1 — абсолютно точно не должна до 5 — абсолютно точно должна.

Статистическая обработка данных проводилась в программе *SPSS 17.0 for Windows*, статистическом пакете *R*, *Mplus Version 7.2*. Использовался критерий Шапиро–Уилка, коэффициент корреляции Пирсона⁴.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Средние значения, стандартные отклонения между переменными представлены в таблице. Результаты использования критерия Шапиро–Уилкса при тестировании шкал, которые мы применяли в настоящем исследовании, продемонстрировали следующие результаты: вера в справедливый мир ($W = 0.993$; $p = 0.007$); патриотизм ($W = 0.94$; $p = 0.00$); национализм ($W = 0.96$; $p = 0.00$); социальные установки по отношению к войне ($W = 0.96$; $p = 0.00$); помощь: политическая

Таблица. Описательная статистика, размер эффекта и корреляции между переменными

	<i>M</i>	<i>SD</i>	α	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Вера в справедливый мир	3.57	.90	.824								
2. Патриотизм	3.69	1.00	.816	0.31***							
Размер эффекта	—	—	—	0.126							
3. Национализм	3.19	1.08	.779	0.42***	0.54***						
Размер эффекта	—	—	—	0.382	0.480						
4. Социальные установки к войне	2.98	1.02	.898	-0.01	-0.17***	-0.05					
Размер эффекта	—	—	—	0.613	0.702	0.199					
5. Помощь: политическая	3.13	1.16	—	0.09*	0.18***	0.21***	-0.11**				
Размер эффекта	—	—	—	0.423	0.517	0.05	0.137				
6. Помощь: гуманитарная	3.21	1.20	—	0.08*	0.14***	0.12**	-0.17***	0.65***			
Размер эффекта	—	—	—	0.339	0.434	0.017	0.206	0.067			
7. Помощь: военно-техническая	2.95	1.18	—	0.07	0.14***	0.15***	0.06	0.64***	0.60***		
Размер эффекта	—	—	—	0.590	0.676	0.212	0.027	0.153	0.218		
8. Помощь: экономическая	2.80	1.18	—	0.12**	0.12**	0.10*	0.04	0.51***	0.61***	0.59***	
Размер эффекта	—	—	—	0.733	0.813	0.344	0.163	0.282	0.344	0.127	
9. Помощь: военная	2.53	1.22	—	0.10*	0.09*	0.11**	0.26***	0.39***	0.35**	0.59***	0.63***
Размер эффекта	—	—	—	0.970	1.03	0.57	0.400	0.504	0.561	0.349	0.224

Примечание: * — $p \leq 0.05$; ** — $p \leq 0.01$; *** — $p \leq 0.001$

($W = 0.89$; $p = 0.00$); помощь: гуманитарная ($W = 0.89$; $p = 0.00$); помощь: военно-техническая ($W = 0.9$; $p = 0.00$); помощь: экономическая ($W = 0.91$; $p = 0.00$); помощь: военная ($W = 0.89$; $p = 0.007$). Респонденты продемонстрировали средний уровень веры в справедливый мир, относительно высокий уровень патриотизма и национализма, относительно негативные социальные установки по отношению к войне как способу разрешения международных конфликтов. Кроме того, они больше одобряли оказание Сирии гуманитарной и политической; меньше — оказание военно-технической помощи; еще меньше — оказание экономической помощи и прямое военное вмешательство. Корреляционные коэффициенты были подсчитаны с учетом поправки на множественные сравнения (в данном случае мы использовали поправку Бонферони).

Вера в справедливый мир была позитивно связана как с патриотизмом, так и с национализмом. Патриотизм был негативно связан с общими социальными установками к войне; связь между национализмом и социальными установками по отношению к войне отсутствовала. Общие социальные установки к войне, в свою очередь, были негативно связаны с одобрением гуманитарной и политической помощи, не были связаны с одобрением экономической и военно-технической помощи, и были позитивно связаны с одобрением ввода войск.

Для проверки гипотез было использовано структурное моделирование. Модель включала в себя девять переменных, сгруппированных в четыре звена: первым звеном была вера в справедливый мир, вторым — патриотизм и национализм, третьим — отношение к войне, четвертым — отношение к различным формам участия России в сирийском конфликте. Кроме того, в модель была добавлена корреляция между национализмом и

патриотизмом, а также между зависимыми переменными (рис.). Полученные результаты хорошо соответствовали этой модели ($\chi^2 = 39.184$, $df = 16$, $p < 0.01$, $CFI = .985$, $TLI = .966$, $RMSEA = .049$, $SRMR = .067$, $AIC = 19104.898$, $BIC = 19262.947$).

В соответствии с гипотезой 3, вера в справедливый мир предсказывала российскую гражданскую идентичность. Чем больше участники верили в справедливый мир, тем выше был уровень патриотизма и национализма. Эти результаты подтверждают гипотезы 3а и 3б.

В соответствии с гипотезой 2б, патриотизм предсказывал общие социальные установки к войне: чем ниже был уровень патриотизма, тем более позитивны были эти установки. Однако в противоречие с гипотезой 2а, национализм не был связан с социальными установками к войне.

И наконец, в соответствии с гипотезой 1а, общие социальные установки по отношению к войне были позитивно связаны с одобрением ввода российских войск в Сирию. В соответствии с гипотезой 1б, эти установки были негативно связаны с одобрением гуманитарной и политической помощи этой стране. В то же время в противоречие этим гипотезам общие социальные установки по отношению к войне не были связаны с одобрением экономической и военно-технической помощи.

ВЫВОДЫ

Социальные установки людей к способам разрешения международных конфликтов привлекают внимание исследователей на протяжении нескольких десятилетий. Проведенные исследования позволили выявить психологические факторы, оказывающие влияние на одобрение или неодобрение людьми участия своей страны в международных конфликтах. Однако исследо-

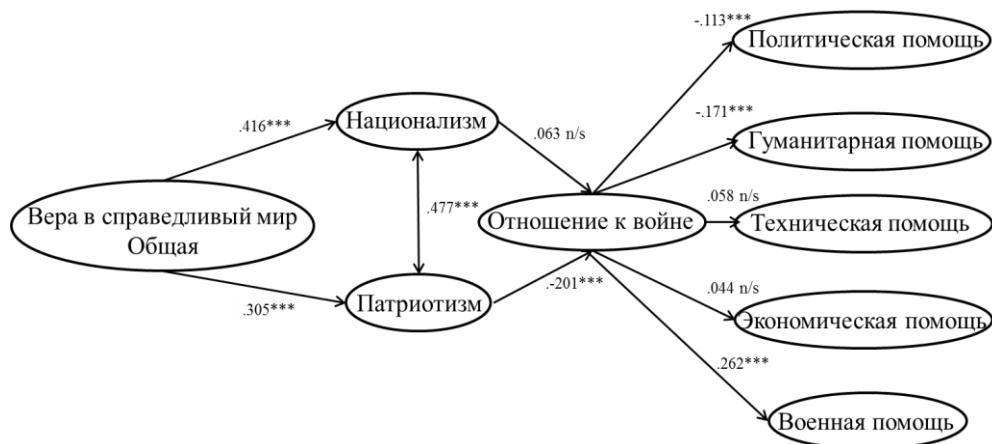

Рис. Результаты проверки модели веры в справедливый мир, двух форм гражданской идентичности, отношения к войне и отношения к различным формам участия России в сирийском конфликте

вание, описанное в этой статье, обладает спецификой. В нем рассматривается связь между социальными верованиями, гражданской идентичностью, общими социальными установками по отношению к войне и различными способами участия в конкретном международном конфликте. Это исследование позволило сделать несколько выводов.

Во-первых, наше исследование показало, что гражданская идентичность во многом зависит от восприятия справедливости мира. Чем более справедливым люди считают окружающий мир, тем более позитивно они относятся к своей стране. Можно предположить, что степень влияния веры в справедливый мир во многом зависит от типа ингруппы. Поскольку эта вера отражает отношение к людям вообще, она оказывает большее влияние на восприятие своей принадлежности к так называемым большим группам, прежде всего, этническим сообществам и странам.

Во-вторых, выяснилось, что гражданская идентичность связана с общими социальными установками к войне. В целом данное исследование подтвердило идею о качественно разной роли патриотизма и национализма. В частности, люди с высоким уровнем патриотизма выражали более негативные социальные установки по отношению к войне как к способу разрешения международных конфликтов, чем люди с низким уровнем патриотизма. Это подтверждает идею о том, что патриотизм связан с мирными способами разрешения международных конфликтов. В то же время национализм не был связан с общими социальными установками к войне. Этот результат противоречит предыдущим исследованиям, согласно которым высокий уровень национализма вызывает более позитивные социальные установки к конкретным войнам [12; 13; 21] и войне в целом [24].

В-третьих, исследование показало, что общие социальные установки по отношению к войне связаны с отношением к разным способам участия России в сирийском конфликте. В целом полученные результаты косвенно подтверждают идею о том, что социальные установки по отношению к войне противоположны социальным установкам к миру. Так, чем более позитивно российские респонденты относились к войне вообще, тем больше они поддерживали идею введения российских войск в Сирию и тем меньше — гуманитарную и дипломатическую помочь Сирии. В то же время оказалось, что экономическая и военно-техническая помочь не связана с общими социальными установками к войне. Возможно, это произошло из-за разнообразия последствий, к которым могут привести такие действия. В зависимости от условий они

могут способствовать как мирному развитию страны, так и продолжению военных действий.

В то же время результаты проведенного исследования позволили по-новому взглянуть на связь между гражданской идентичностью и социальными установками к войне. Сторонники разделения патриотизма и национализма исходят из предположения о том, что связь между национализмом и социальными установками по отношению к войне носит универсальный характер, а связь между патриотизмом и аналогичными установками зависит от дополнительных факторов. Наше исследование показало, что связь между национализмом и социальными установками по отношению к войне также не постоянна. Возникает вопрос: какие факторы опосредуют связь между разными формами гражданской идентичности и социальными установками к войне? Мы полагаем, что таким фактором может стать содержание гражданской идентичности. Позитивную связь между патриотизмом/национализмом и социальными установками по отношению к войне демонстрируют люди с милитаризованной гражданской идентичностью, важное место в которой занимает военное превосходство. Однако это предположение требует дополнительных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорян Л.К. Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 22–31.
2. Григорян Л.К., Лепшокова З.Х. Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян // Социальная психология и общество. 2012. № 2. С. 5–20.
3. Гулевич О.А., Неврюев А.Н. Личностные детерминанты отношения к войне как способу решения международных конфликтов // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 58–67.
4. Нартова-Бочавер С.К., Подлинник М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (дата обращения: 19.04.2016).
5. Bar-Tal D., Kruglanski A.W., Klar Y. Conflict termination: An epistemological analysis of international cases // Political psychology. 1989. № 10. P. 233–255.
6. Berndsen M., Gausel N. When majority members exclude ethnic minorities: The impact of shame on the desire to object to immoral acts // European journal of social psychology. 2015. № 45. P. 728–741.
7. Bizumic B., Stubager R., Mellon S., Van der Linden N., Iyer R., Jones B.M. On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war // Political psychology. 2013. № 34. P. 673–693.
8. Blader S.L., Tyler T.R. Testing and extending the group engagement model: Linkages between social identity, procedural justice, economic outcomes, and extra-role behavior // Journal of applied psychology. 2009. № 94. P. 445–464.

9. Blank T., Schmidt P. National identity in a United Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data // *Political psychology*. 2003. № 24. P. 289–312.
10. Cohrs J. C., Moschner B. Antiwar knowledge and generalized political attitudes as determinants of attitude toward the Kosovo war // *Peace and conflict: journal of peace psychology*. 2002. № 8. P. 139–155.
11. Cohrs J.C., Moschner B., Maes J., Kielmann S. The motivational bases of right-wing authoritarianism and social dominance orientation: Relations to values and attitudes in the aftermath of September 11, 2001 // *Personality and social psychology bulletin*. 2005. № 31. P. 1425–1434.
12. Crowson H.M. Nationalism, internationalism, and perceived UN irrelevance: mediators of relationships between authoritarianism and support for military aggression as part of the war on terror // *Journal of applied social psychology*. 2009. № 39. P. 1137–1162.
13. Crowson H.M. Right-wing authoritarianism and social dominance orientation as mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror // *Social psychology*. 2009. № 40. P. 93–103.
14. Crowson H.M., DeBacker T., Thoma S.J. Does authoritarianism predict post-9/11 attitudes? // *Personality and individual differences*. № 39. P. 1273–1283.
15. Crowson H.M., DeBacker T.K., Thoma S.J. The role of authoritarianism, perceived threat, and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs // *Journal of social psychology*. № 146. P. 733–750.
16. Dittmar H., Dickinson J. The perceived relationship between the belief in a just world and sociopolitical ideology // *Social justice research*. 1993. № 6. P. 257–272.
17. Doty R.G., Winter D.G., Peterson B. E., Kemmelmeier M. Authoritarianism and American students' attitudes about the Gulf War, 1990–1996. // *Personality and social psychology bulletin*. 1997. № 23. P. 1133–1143.
18. Du J., Choi J.N., Hashem F. Interaction between one's own and others procedural justice perceptions and citizenship behaviors in organizational teams: The moderating role of group identification. // *Group dynamics: theory, research, and practice*. 2012. № 16. P. 289–302.
19. Duncan L. E., Stewart A. J. Still bringing the Vietnam War home: Sources of contemporary student activism // *Personality and social psychology bulletin*. 1995. № 21. P. 914–924.
20. Edwards M. R., Peccei R. Perceived organizational support, organizational identification, and employee outcomes testing a simultaneous multifoci model // *Journal of personnel psychology*. 2010. № 9. P. 17–26.
21. Federico C.M., Golec A., Dial J.L. The relationship between the need for closure and support for military action against Iraq: moderating effects of national attachment // *Personality and social psychology bulletin*. 2005. № 31. P. 621–632.
22. Furnham A. The just world, charitable giving and attitudes to disability // *Personality and individual differences*. 1995. № 19. P. 577–583.
23. Golec A., Federico C.M. Understanding political conflict and its resolution: Interactive effects of the need for closure and salient conflict schemas // *Journal of personality and social psychology*. 2004. № 87. P. 750–762.
24. Herrmann R.K., Isernia P., Segatti P. Attachment to the nation and international relations: Dimensions of identity and their relationship to war and peace // *Political psychology*. 2009. № 30. P. 721–754.
25. Heskin K., Power V. The determinants of Australians attitudes toward the Gulf war // *Journal of social psychology*. 1994. № 134. P. 317–330.
26. Jagodic G.K. Is war a good or a bad thing? The attitudes of Croatian, Israeli, and Palestinian children toward war // *International journal of psychology*. 2000. № 35. P. 241–257.
27. Jones-Wiley D.G., Restori A.F., Lee H.B., Himelfarb I., Boluyt M. A psychometric evaluation of existing attitude measures toward capital punishment and war. // *North American journal of psychology*. 2007. № 9. P. 475–484.
28. Kosterman R., Feshbach S. Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // *Political psychology*. 1989. № 10. P. 257–274.
29. Leach C. W. et al. Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification / C.W. Leach, M. van Zomeren, S. Zebel, M. L. W. Vliek, S. F. Pennekamp, B. Doosje et al. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. V. 95. P. 144–165.
30. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. NY: Plenum Press, 1980.
31. Lipkus I.M., Bissonnette V.L. Relationships among belief in a just world, willingness to accommodate, and marital well-being // *Personality and social psychology bulletin*. 1996. № 22 (10). P. 1043–1056.
32. Roccas S., Klar Y., Liviatan I. The paradox of group-based guilt: modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations // *Journal of personality and social psychology*. 2006. № 91. P. 698–711.
33. Tajfel H. Differentiation between social groups: Studies in intergroup behaviour. London: Academic press, 1978.
34. Torabian S., Abalkina M. Attitudes toward war in the United States and Iran // *Iranian studies*. 2012. № 45. P. 463–478.
35. Viki G.T., Calitri R. Infrahuman outgroup or suprahuman ingroup: the role of nationalism and patriotism in the infrahumanization of outgroups // *European journal of social psychology*. 2008. № 38. P. 1054–1061.
36. Zuckerman M., Gerbasi K.C. Belief in a just world and trust // *Journal of research in personality*. 1977. № 11. P. 306–317.

BELIEF IN A JUST WORLD, NATIONAL IDENTITY, AND MILITARY ATTITUDES: THE CASE OF SYRIA WAR

A. N. Nevryuev^{1, 2*}, O. A. Gulevich^{3***}, E. A. Nekrasova ^{4***}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation; 125993 (GSP-3), Moscow, Leningradsky prosp., 49, Russia.

² I.M. Sechenov First Moscow State Medical University; 119991, Moscow, St. Trubetskaya, 8, building 2, Russia.

³ National research University "Higher school of Economics"; 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.

⁴ "The military University"; 123001, Moscow, Bolshaya Sadovaya street, 14, Russia.

*Senior Lecturer for Chair of Human Resources Management and Psychology of FU; Assistant of Pedagogy and Medical Psychology Department of Institute of Sociology, Psychology and Humanities of Sechenov University. E-mail: annevryuev@fa.ru

**Professor of Psychology Department, Faculty of Social Sciences; Leading researcher in Laboratory for Experimental and Behavioral Economics.

***Lecturer of Psychology Department of Military University.

Received 29.09.2016

Abstract. In this study we investigated factors which predict attitudes toward different forms of Russian participation in Syrian conflict. Russian residents (N = 595) filled out the scales for belief in a just world, nationalism, patriotism, general military attitudes and attitudes towards different forms of Russian involvement in Syrian conflict. The results of the study have shown that just world belief predicts different forms of national identity - patriotism and nationalism. Patriotism, but not nationalism, is negatively correlated with general military attitudes. General military attitudes, in turn, are positively correlated with attitudes towards Russian military involvement in the conflict, but negatively correlated with the peaceful participation. The article contains new data on the links between national identity and the attitude toward war. Proposed assumptions about what the results may be related to. The main prospects for the development of this area of research are outlined.

Keywords: military attitudes, belief in a just world, national identity, patriotism, nationalism.

REFERENCES

1. Grigoryan L.K. Patriotizm i nacionalizm v Rossii: mekhanizmy vliyaniya na ekonomicheskuyu samostoyatel'nost' // Kul'turno-istoricheskaya psichologiya. 2013. № 3. P. 22–31. (In Russian)
2. Grigoryan L.K., Lepshokova Z.H. Empiricheskaya model' vzaimosvyazi grazhdanskoy identichnosti i ustavov po otnosheniyu k immigrantam s ekonomicheskimi predstavleniyami rossiyan // Social'naya psichologiya i obshchestvo. 2012. № 2. P. 5–20. (In Russian)
3. Gulevich O. A., Nevryuev A. N. Lichnostnye determinanty otnosheniya k vojne kak sposobu resheniya mezhdunarodnyh konfliktov // Voprosy psichologii. 2016. № 3. P. 58–67. (In Russian)
4. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnjak M.B., Hohlova A.Ju. Vera v spravedlivyyj mir i psichologicheskoe blagopoluchie u gluhih i slyshashchihih podrostkov i vzroslyh // Klinicheskaja i spetsial'naja psichologija. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (data obrashhenija: 19.04.2016). (In Russian)
5. Bar-Tal D., Kruglanski A.W., Klar Y. Conflict termination: An epistemological analysis of international cases // Political psychology. 1989. № 10. P. 233–255.
6. Berndsen M., Gausel N. When majority members exclude ethnic minorities: The impact of shame on the desire to object to immoral acts // European journal of social psychology. 2015. № 45. P. 728–741.
7. Buzumic B., Stubager R., Mellon S., Van der Linden N., Iyer R., Jones B.M. On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war // Political psychology. 2013. № 34. P. 673–693.
8. Blader S.L., Tyler T.R. Testing and extending the group engagement model: Linkages between social identity, procedural justice, economic outcomes, and extra-role behavior // Journal of applied psychology. 2009. № 94. P. 445–464.
9. Blank T., Schmidt P. National identity in a United Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data // Political psychology. 2003. № 24. P. 289–312.
10. Cohrs J. C., Moschner B. Antiwar knowledge and generalized political attitudes as determinants of attitude toward the Kosovo war // Peace and conflict: journal of peace psychology. 2002. № 8. P. 139–155.
11. Cohrs J.C., Moschner B., Maes J., Kielmann S. The motivational bases of right-wing authoritarianism and social dominance orientation: Relations to values and attitudes in the aftermath of September 11, 2001 // Personality and social psychology bulletin. 2005. № 31. P. 1425–1434.
12. Crowson H.M. Nationalism, internationalism, and perceived UN irrelevance: mediators of relationships between authoritarianism and support for military aggression as part of the war on terror // Journal of applied social psychology. 2009. № 39. P. 1137–1162.
13. Crowson H.M. Right-wing authoritarianism and social dominance orientation as mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror // Social psychology. 2009. № 40. P. 93–103.
14. Crowson H.M., DeBacker T., Thoma S.J. Does authoritarianism predict post-9/11 attitudes? // Personality and individual differences. № 39. P. 1273–1283.
15. Crowson H.M., DeBacker T.K., Thoma S.J. The role of authoritarianism, perceived threat, and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs // Journal of social psychology. № 146. P. 733–750.

16. *Dittmar H., Dickinson J.* The perceived relationship between the belief in a just world and sociopolitical ideology // *Social justice research*. 1993. № 6. P. 257–272.
17. *Doty R.G., Winter D.G., Peterson B. E., Kemmelmeier M.* Authoritarianism and American students' attitudes about the Gulf War, 1990–1996. // *Personality and social psychology bulletin*. 1997. № 23. P. 1133–1143.
18. *Du J., Choi J.N., Hashem F.* Interaction between one's own and others procedural justice perceptions and citizenship behaviors in organizational teams: The moderating role of group identification. // *Group dynamics: theory, research, and practice*. 2012. № 16. P. 289–302.
19. *Duncan L. E., Stewart A. J.* Still bringing the Vietnam War home: Sources of contemporary student activism // *Personality and social psychology bulletin*. 1995. № 21. P. 914–924.
20. *Edwards M. R., Peccci R.* Perceived organizational support, organizational identification, and employee outcomes testing a simultaneous multifoci model // *Journal of personnel psychology*. 2010. № 9. P. 17–26.
21. *Federico C.M., Golec A., Dial J.L.* The relationship between the need for closure and support for military action against Iraq: moderating effects of national attachment // *Personality and social psychology bulletin*. 2005. № 31. P. 621–632.
22. *Furnham A.* The just world, charitable giving and attitudes to disability // *Personality and individual differences*. 1995. № 19. P. 577–583.
23. *Golec A., Federico C.M.* Understanding political conflict and its resolution: Interactive effects of the need for closure and salient conflict schemas // *Journal of personality and social psychology*. 2004. № 87. P. 750–762.
24. *Herrmann R.K., Isernia P., Segatti P.* Attachment to the nation and international relations: Dimensions of identity and their relationship to war and peace // *Political psychology*. 2009. № 30. P. 721–754.
25. *Heskin K., Power V.* The determinants of Australians attitudes toward the Gulf war // *Journal of social psychology*. 1994. № 134. P. 317–330.
26. *Jagodic G.K.* Is war a good or a bad thing? The attitudes of Croatian, Israeli, and Palestinian children toward war // *International journal of psychology*. 2000. № 35. P. 241–257.
27. *Jones-Wiley D.G., Restori A.F., Lee H.B., Himelfarb I., Boluyt M.* A psychometric evaluation of existing attitude measures toward capital punishment and war. // *North American journal of psychology*. 2007. № 9. P. 475–484.
28. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // *Political psychology*. 1989. № 10. P. 257–274.
29. *Leach C. W.* et al. Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification / C.W. Leach, M. van Zomeren, S. Zebel, M. L. W. Vliek, S. F. Pennekamp, B. Doosje et al. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. V. 95. P. 144–165.
30. *Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. NY: Plenum Press, 1980.
31. *Lipkus I.M., Bissontette V.L.* Relationships among belief in a just world, willingness to accommodate, and marital well-being // *Personality and social psychology bulletin*. 1996. № 22 (10). P. 1043–1056.
32. *Roccas S., Klar Y., Liviatan I.* The paradox of group-based guilt: modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations // *Journal of personality and social psychology*. 2006. № 91. P. 698–711.
33. *Tajfel H.* Differentiation between social groups: Studies in intergroup behaviour. London: Academic press, 1978.
34. *Torabian S., Abalkina M.* Attitudes toward war in the United States and Iran // *Iranian studies*. 2012. № 45. P. 463–478.
35. *Viki G.T., Calitri R.* Infrahuman outgroup or suprahuman ingroup: the role of nationalism and patriotism in the infrahumanization of outgroups // *European journal of social psychology*. 2008. № 38. P. 1054–1061.
36. *Zuckerman M., Gerbasi K.C.* Belief in a just world and trust // *Journal of research in personality*. 1977. № 11. P. 306–317.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Шкала общих социальных установок к войне

	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Нечто среднее	Скорее согласен	Согласен	Абсолютно согласен
1. Война – лучшее средство разрешения международных конфликтов.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
2. Война позволяет защитить слабых, добиться соблюдения прав человека.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
3. *Страны, вступившие в конфликт между собой, должны избегать войны любой ценой.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
4. *Война – это обычное убийство, санкционированное властью.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
5. Война способствует прогрессу.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
6. Война развивает в человеке лучшие качества.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
7. В современном мире война необходима для решения проблем, возникающих в отношениях между государствами.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
8. *Война – это демонстрация слабости, неспособности достичь своей цели иным путем.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
9. *Война разрушает экономику стран-участниц.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
10. Участие в военных действиях – это полезный опыт, который позволяет человеку лучше понять жизнь.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
11. *Международные конфликты должны разрешаться путем переговоров, без использования оружия.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
12. *Войне нет оправданий.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
13. *Война пробуждает в человеке самые худшие качества.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
14. Война способствует экономическому развитию стран-участников.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
15. Война позволяет защитить людей, пострадавших от несправедливости.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□
16. *Война делает людей циничными, лишает их веру в доброту и справедливость окружающего мира.	1□	2□	3□	4□	5□	6□	7□

* – обратные утверждения.

Эффективность войны: 1, 3*, 7, 11*

Моральная оправданность войны: 4*, 8*, 12*

Экономические последствия войны: 5, 9*, 14

Социальные последствия войны: 2, 15

Позитивные гуманитарные последствия войны: 6, 10

Негативные гуманитарные последствия войны: 13*, 16*